

ЛИДЕР ПОП-АРТА КАК ЕГО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ

Года три назад в ГМИИ им. А.С. Пушкина привезли выставку Энди Уорхола. Известие об этом вызвало большие сомнения. Мой приятель-скульптор был такого же мнения. Вдобавок он ссылался на то, что хорошо знает творчество этого художника по Берлину, в котором его много. Однако мы сочли, что посмотреть выставку необходимо – все-таки Уорхол!

И мы поднялись по так называемой «розовой лестнице» на галереи музея. Пристально разглядываем фактуру шелкографий. Ничего подобного мы не ожидали. Удивляет необыкновенная раскованность художественного жеста, огромное профессиональное мастерство. Но главное – содержание картин, графических листов и фотографий: сами визуальные образы. Портреты Мэрилин Монро: широкие мазки локального цвета выделяют прическу, надбровные дуги и приоткрытые губы – обозначают портретную подлинность. Знаменитое изображение. Но, оказывается, подлинники несут другую информацию и вызывают совсем иное впечатление, нежели репродукции. За рекламной маской эротической чувственности проступил внутренний драматизм существования знаменитости. Кажется, художнику удалось заглянуть в тайну трагической гибели «сексуального символа Америки».

...Огромный натюрморт, пустые черные глазницы черепа и темное жирное пятно под его изображением... Что это – тень или разлившаяся лужа крови?!

В той же мрачной атмосфере рисуется потрясающий по образной мощи автопортрет. Пламенеющая оранжевая голова огромных размеров с торчащими в разные стороны волосами парика вырывается из бездны черного фона, словно из могильного небытия. Обтянутые скулы, впалые щеки и глазницы выворачивают наружу скорбную анатомию личного одиночества в мире стандартизированного производства... Черный силуэт остроконечного Везувия с космами извержений смотрит на белом фоне трагическим автопортретом художника, а эмоциональным выплеском личных переживаний.

Обостренность мировосприятия, драматизм, присущий современному укладу, с такой же пластической силой выражены и в других картинах, представленных на персональной экспозиции Энди Уорхола в залах Третьяковской галереи осенью 2005 года.

Портрет Элвиса Пресли. Эстрадный кумир направляет свой пистолет прямо на зрителя. Намек на то, что с киноэкранов нас в упор расстреливает та жизнь, которую мы сами же и создали. Столь же агрессивными в интерпретации Уорхола оказываются и самые обыкновенные вещи. Внушительных размеров телефон превращается в страшного монстра, грозящего человеку смертельной опасностью. Его форсированная графичность и резкий контраст черного и белого нагнетают особую образную напряженность. Тот же минорный тон звучит в работах, где красуются гипертрофированные столовые ножи и наган с красноречивой надписью на дуле – «стандарт». Эмоциональная кульминация, трагический пароксизм – изображение ванны для купания. Мертвенно-белая пустота превращает ее в погребальный саркофаг, от которого буквально исходит дыхание смерти. Особенно

выразителен контраст между кокетливыми ножками, покрытыми аляповатым орнаментом, и водой, разлившейся по кафельному полу густой сукровицей.

Уорхол пристально всматривается в изделия поточного производства отнюдь не ради их самих. Он весьма далек от натюрмортных интересов. Бесконечный поток стандартизированных вещей складывается у него в облик эпохи, в характерные черты времени. Программная работа – «Большая дырка в суповой консервной банке Кэмпбелла». За ярким глянцем отклеившейся этикетки со всей откровенностью проступила черная ржавчина металлической поверхности, подлинное лицо изнанки промышленного изобилия.

Социальная коррозия с какой-то особой образной агрессивностью проступает в портретных изображениях. Автор лишает персонажей даже малейшего намека на всякую психологическую мимику. Скованность, абсолютный покой, самая общая характеристика, схваченная фотообъективом за доли секунды, – временной поток спрессован, так что остановленное мгновение оборачивается

вечностью. Лица крупным планом выдвинуты на периферию больших форматов, они уже не относятся к отдельному человеку. Эти портреты далеки от основных целей жанра, они призваны выступать обликом мира. Цель особенно наглядна в тех холстах, где растиражированный кинокадрами портрет занимает всю изобразительную площадь, замещает собой остальные визуальные формы действительности. Многочисленные портретные серии художника – это отнюдь не классификация социальных типов, как утверждают сопроводительные тексты к выставке. Напротив – автор занят куда более сложной бытийной проблематикой.

Художник не принимает позу трагического актера, не занимается смакованием теневых аспектов. Вопреки им он отыскивает светлые стороны в окружении. Этой душевной потребностью объясняются переходы от изображений продуктов конвейерного производства к естественным дарам природы. В сериях, посвященных цветам и драгоценным камням, меняются выразительная символика и колорит. Светлые краски растений, разложенных на зеленой траве локальными аппликациями, и лучистое мерцание самоцветов указывают на иные области земного существования. Этот лирический пафос обнаружил себя в лазоревом сфумато абстракции «Зеленые марки», наделенной потрясающей живописной энергией. Прямоугольники с зубчиками, приклеенные в левом верхнем углу картины, подобно тому как наклеивают марки на почтовый конверт, намекают на желание автора отослать себя в некое всемирное беспредметное пространство, свободное от серийных предметов, лишенных всякой индивидуальности. Туда, где пространство не раздирается непримиримыми противоречиями на враждебные полюса.

Такой взгляд на мир мало похож на то, что мы называем поп-артом.

Не есть ли избранный способ восприятия на самом деле – подлинный реализм? Ведь быть реалистом – это значит уметь балансировать между предметным и беспредметным, между земным и неземным. Недаром Энди Уорхола так привлекала в людях бисексуальная направленность. Воплощать дуализм бытия – вот настоящая задача искусства.